

відчуття реальності, завдяки міцному реалістичному рисунку і пластиці натуралістичної форми [4, с. 18].

Аналізуючи живопис А. Ерделі 1930-х років можна зробити висновок, що він отримав глибокі враження від колористичних принципів французьких модерністів, однак найбільше на художню структуру його творів вплинули серйозні та конструктивні колористичні рішення П. Сезанна. Багато із закладеного у цей період в творчості митця залишилося в його роботах назавжди.

Список використаних джерел:

1. Адальберт Ерделі: Альбом / Авт.-упоряд. А. М. Ковач. – Ужгород: «Видавництво Олександри Гаркуші», 2007. – 380 с.
2. Герман М. Парижская школа / Михаил Герман. – Спб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 312 с.
3. Ерделі Адальберт ІМЕН [Текст] : літературні твори, щоденники, думки / Адальберт Ерделі ; [уклли: І. І. Небесник, М. В. Сирохман] б. – Ужгород : Видавництво Олександри Гаркуші, 2012. – 440 с.
4. Островский Г. С. Адальберт Михайлович Эрдели. – М.: «Советский художник», 1966. – 100 с.
5. Merleau-Ponty M. Cezanne's doubt // The Merleau-Ponty aesthetics reader: philosophy and painting / ed. by G.A. Johnson. – Illinois: Northwestern University, 1993. – P. 59–75.

Филиппова О.Н.

Ассоциация искусствоведов (г. Москва)

РУКОПИСНЫЙ АЛЬБОМ XIX ВЕКА КАК СВОЕОБРАЗНАЯ ФОРМА КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Традиция ведения домашних альбомов была связана с историей дворянских семей. Часто, члены семейств, увлеченные поэзией, музыкой, живописью, имели такие альбомы. Известны альбомы, в которых оставили свои автографы А.С. Пушкин (1799-1837), М.Ю. Лермонтов (1814-1841), А.П. Чехов (1860-1904). Альбомный жанр особенно был характерен для XIX века. Нередко, это было связано с литературными салонами. Некоторые имена хозяев салонов, а чаще

всего хозяек, вошли в историю культуры нашей страны. Справедливо отмечал советский и российской литературовед Ю.М. Лотман: «Салон был не только местом встреч, ужинов, или даже бесед. Он был формой организации культуры, особым родом общения, искусством и жизнью одновременно» [3, с. 5]. Рукописный, или художественный альбом был, зачастую принадлежностью салона, и тоже особым родом общения.

Прообразом салонного дворянского альбома XIX века явились, т.н. картинные книги. О подобного рода книгах упоминает в своих записках русский писатель и мемуарист А.Т. Болотов (1738-1833). Обратимся к альбому, принадлежащему менее известному лицу, – провинциальному дворянину князю Т.И. Енгальчеву, который был гораздо беднее и провинциальнее А.Т. Болотова. Рисовальщик принадлежал к древнему, но обедневшему и разветвленному роду. Поместья Енгальчевых находились в Санкт-Петербургской, Московской, Тверской, Владимирской и др. губерниях. Т.И. Енгальчев вышел в отставку в 1790 году и поселился с женой в отдельном от отца поместье Лощемля Тверской губернии. Альбом второй половины XVIII века – в быту, частно, называемый, картинной книгой – предназначался для узкого семейного дружеского круга. Об этом говорят посвящения, т.е. надписи на титульных, или защитных листах. Князь Т.И. Енгальчев посвятил картинную книгу своему отцу: «государю-батюшке» Ивану Фроловичу [1, с. 22].

Такие книги почитались домашней реликвией, хранились в заветных шкапулках, или ящиках письменных столов, вынимались они лишь тогда, когда нужно было сделать очередной рисунок, или важную запись. Некоторые альбомы заполнялись от случая к случаю, другие – систематически и столь регулярно, что объем их заметно разрастался, и альбом начинал напоминать увесистый том. Иметь картинную книгу считалось весьма похвальным. Благодаря, ей владелец получал аттестацию просвещенного человека. Она же служила своеобразной рекомендацией, указывающей на его социальный статус. Альбом Т.И. Енгальчева представляет собой толстый фолиант в переплете из двух, деревянных досок, обтянутых темной кожей со следами золотого тиснения и бронзовых застежек. Начат он был в 1781 году, а закончен – в 1801 году. В альбоме более 140 зарисовок: это сцены помещичьего и крестьянского быта, сюжеты военного и автобиографического характера. Среди рисунков мы встречаем «автопортрет» – широкоплечий плотный человек с крупными чертами лица [1, с. 23]. Его обычная одежда – это

темно-зелений сюртук, высокие сапоги, старая треуголка. Краски, которыми пользовался рисовальщик, составляли по древнему, испытанному способу – на натуральной основе. В них преобладали неяркие, приглушенные тона – блекло-коричневые, зеленоватые, охристые и голубые. Часто пользовался он орешковыми чернилами и пером, гусиным, или лебединым. Перо для рисунков бралось, тонко, заостренное, для надписей – с небольшим расщепом. Рисунки соседствуют с записями о хлебном обмолоте, о приходах и расходах, о ценах и распоряжениях работникам. Слог был прост, лаконичен, он напоминает обычный разговорный язык. Дело, в основном, сводилось к тому, что рисовальщик наносил на бумагу четкий контур изображения, а затем раскрашивал его в разные цвета. Изобразительная система в данном случае была близка лубку: поверхность листа воспринималась, как двухмерная плоскость, причем перспективно-пространственные планы заменялись ярусами; общей была и трактовка фигур – их фронтальность, руки, согнутые в локтях, ноги, широко расставленные, и повернутые носками в стороны.

Персонажи выводились «на одну линию», действия их передавались с помощью жестов, выразительность, которых, соответствовала эмоциональной насыщенности образов [1, с. 23]. Во многом сходны с лубком были и приемы обрамления листов в виде рамок травного, или цветочного орнамента, а также непереносимое включение в изображение текста, помещенного в картуше прямоугольной, или овальной формы. В большинстве рисунков Т.И. Енгальчева основой является конкретная бытовая ситуация. Альбомный рисовальщик стремился к отражению реальной ситуации, конкретных людей и предметов, но при этом пользовался изобразительными приемами лубка, заимствуя не все, а только, необходимые для данного случая элементы. Наиболее интересная группа рисунков – это, т.н. «оригинальные», т.е. те, в основу, которых, положены сюжеты биографического характера, что роднит картинные книги Т.И. Енгальчева с дворянским альбомом начала XIX века [1, с. 23]. Эти рисунки и надписи к ним отражают бытовой уклад, мировосприятие и атмосферу той среды, которая окружала рисовальщика. Самые, распространенные сюжеты в этой группе рисунков: помещичий быт и забавы, живущего в деревне, сатирические изображения священников и раскольников, богатырей и героев, предметы быта и пр. В альбоме есть также совершенно самостоятельный раздел «предметных» зарисовок: зеркало, кресло, канапе, часы столовые и карманные и пр. [1, с. 24].

Изображение каждого предмета занимает целый лист. Формы их монументальны и конструктивны. Предметам уделяется столько же внимания, сколько и сюжетным зарисовкам. Иногда вещи изображаются в интерьерах. В интересах к воспроизведению отдельных вещей и интерьеров отразился процесс становления усадебного интерьера в 80-90-е годы XVIII века и желание сообщить эти сведения тому, кто будет рассматривать этот альбом, т.к., вероятно, некий адресат постоянно присутствовал в воображении рисовальщика. Такой альбом предназначался для рассматривания. У зрителя появлялась возможность домысливания и придумывания деталей, воображаемого действия. Перелистав картинную книгу Т.И. Енгальчева, мы словно читаем любопытную повесть, оставленную нам современником А.Н. Радищева (1749-1802) и Д.И. Фонвизина (1745-1792).

Мы можем проникнуть в частную жизнь, внутренний мир человека далекой эпохи. И это особенно ценно, поскольку раскрывается он не профессиональным поэтом и художником, а типичным «средним» человеком с его отношением к происходящим событиям в литературе, искусстве, жизни общества [1, с. 24]. Это и альбом, и памятная книжка, и тетрадь для заметок, и своеобразный оригинальный способ бытописания, самовыражения. Продолжением «картинных» книг стал дворянский альбом XIX века [1, с. 24]. В нем отразилось непредвзятое, наивное видение мира, обусловленное незнанием законов реалистического рисунка. Постепенно, альбом становится частью дворянского быта, продуктом сословно-замкнутой среды. С одной стороны, рисунки в нем были все также примитивны, а с другой – это произведение людей высокой внутренней свободы. Занятия рисунком и живописью прививали творческие навыки. Средний уровень владения ими становится достаточно высок, чтобы заняться изобразительным языком, где идея выражена ясно, упрощение форм, естественно, изображается, лишь нужное. Альбомное рисование сочетало литературные опыты и графику, так складывался особенный тип альбомного рисунка, отличавшегося яркой образностью и индивидуальностью. К 1820 годам дворянский альбом становится чрезвычайно моден. Как памятники литературы и истории, альбомы являлись и своеобразной формой коллекционирования. Так, например, очень интересен, один из ранних альбомов, принадлежащий купеческому роду Зубовых, текстильных фабрикантов из города Александрова. Он принадлежал Клавдии Алексеевне Полежаевой, принесшей в 1859 году своему мужу –

Василию Павловичу Зубову в приданое дом в Таганке. С золотым обрезаем, в переплете из зеленого бархата с тисненым золотом орнаментом, альбом по размеру (148,0 × 205,0 мм). Первая запись датирована днем тринадцатилетия его владелицы – 17 декабря 1853 года. Вероятно, альбом мог быть подарком ко дню рождения. Через четыре года в нем появляется запись, сделанная рукой жениха Клавдии Алексеевны – В.П. Зубова. После замужества альбом, как бы ушел из ее повседневной жизни.

В нем прибавилась только запись в 1864 году «Люби и помни хоть меня. Брат Ваш Н. Полежаев» [2, с. 87]. В 1875 году тринадцатилетний сын Клавдии Алексеевны – Павел вписывает (два раза в один и тот же день) в материнский альбом ироническое четверостишие. Гимназист Павел Васильевич попытался продолжать альбом матери. В том же 1875 году трое его друзей нарисовали несколько картинок и вписали на разных чистых страницах стихи, ставшие последними по времени записями. Два других альбома из зубовского архива относятся уже к более поздним годам.

Таким образом, альбомы являлись не только частью дворянского быта, но и своеобразной формой коллекционирования. Недаром, ныне они хранятся в частных коллекциях, в архивах и музеях. Особенно их много в главном архиве литературы и искусства страны – РГАЛИ (г. Москва).

Список использованных источников:

1. Александрова Н.В. ««Картинные книги», как прообраз русского дворянского альбома начала XIX века» // Россия: классический ракурс. Три века русской художественной культуры. Сборник докладов научно-практической конференции на выставке: «Сияющая Россия», посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (памятники искусства России, Европы и Востока XVI – начала XX веков из собрания Челябинской областной картинной галереи). 28–30 сентября 1999 г. Челябинск : «Челябинский Дом печати», 2000. С. 19–25.
2. Воробьева М.З. «Уездной барышни альбом...» // Библиофил. Люди, рукописи, книги. Тайны и открытия : Сборник. № 1(7). Москва : «Либерия», 2003. С. 82–91.
3. Немирова М.А. Автографы из старого альбома. Альбом автографов поэтов Серебряного века Брониславы Рунт (1885-1983) из коллекции Государственного музея В.В. Маяковского. Москва : Изд-во: «Тривант», 2006. 60 с.: ил.